

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

МИЛЕЙШИЙ

РАССКАЗ

Командиром на переход с Чёрного моря на Камчатку к нам назначили капитана I ранга Свистунова Геннадия Севастьяновича. Службу он проходил на Тихоокеанском флоте в должности командира бригады кораблей разведки. Офицер требовательный, жёсткий, моряк опытный, грамотный, за плечами не одна боевая служба. Можно сказать, что нашему экипажу, собранному со всей Камчатской флотилии, как с миру по нитке, повезло. Такой начальник и нужен, чтобы в чувство привести, научить, а если потребуется, то и заставить.

Свистунов мужчина был видный: рост выше среднего, спортивная фигура, энергичная походка. Короткая стрижка и тонкая ниточка усов придавали ему аристократический вид. Флотская форма сидела на нём, словно влитая. Видимо, он осознавал это, и, самое главное, ему нравилось производить на окружающих впечатление своим внешним видом. Когда он выходил на ют на подъём флага, здоровался с личным составом, строго, по-уставному и вместе с тем с особым шиком вскидывал правую руку к головному убору и громко, со сталью в голосе, играя твёрдыми согласными, произносил: “Здравствуйте, товарищи!”, стоящие в строю матросы, старшины, мичманы и офицеры вытягивались в струнку, замирали, будто первоклашки перед учительницей.

Одно портило эту благодатную картину — неограниченная власть сформировала у Свистунова веру в собственную непогрешимость, пренебрежительное, высокомерное отношение к подчинённым. Ему доставляло удоволь-

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках: “Антология калининградского рассказа”, “Балтийский флот”, в журналах: “Балтика”, “Параллели”, во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

ствии “оттянуть” провинившегося, показать своё превосходство. Нет, он не ругался матом, не кричал и не топал в гнев ногами. Но от этого унижение было не меньшим. Чего стоила его любимая фраза:

— Милейший, вы ещё раз убедите меня в своей несостоятельности.

Лейтенанты были от него без ума, копировали его походку, манеру разговора, к подчинённым стали обращаться только на “вы”, разговор начинали со слова “уважаемый...” Свистунов всё видел, всё понимал и использовал своё влияние для утверждения личного авторитета и во благо службы.

В экипаже единственным офицером, прошедшим школу дальних походов, был старший лейтенант Лев Яшкин — командир трюмно-котельной группы. Что подвигло его стать морским офицером, тем более корабельным инженером, сказать трудно. Отец — доктор медицинских наук, мать — преподаватель музыки по классу фортепьяно. Они явно не желали своему единственному сыночку такой карьеры. Но всегда послушный Лёва с отличием окончил школу и, вопреки воле родителей, поступил в военно-морское училище. До сих пор Лёва в службе не разочаровался, несмотря на то, что она — эта служба — вовсе его не баловала, больше того, приносила немало огорчений. Скромный, выдержанный Лёва с удовольствием крутил гайки, лично ремонтировал вечно ломающиеся механизмы. Большую часть времени он носил тёмно-синий комбинезон, в руках — ветошь, лицо, как правило, чумазое. Командовать, руководить не любил, делал это по необходимости, искренне считая, что каждый просто обязан добросовестно выполнять свои обязанности без всякого принуждения. “Маслопупы” уважали его за знание техники, готовность помочь, порядочность и слушались с полуслова. Так уж случилось, что именно скромный Лёва Яшкин, в отличие от остальных, не только не заглядывал в рот капитану I ранга Свистунову, но и частенько не соглашался с его методами руководства.

После вечернего чая свободные от вахты офицеры оставались в кают-компании, чтобы обменяться последними новостями, посплетничать. Особый интерес представляли сведения о командире перехода, за которым прочно закрепилось прозвище “Милейший”.

— Сегодня старпом впервые побывал в посту энергетики и живучести, чует моё сердце, не к добру, — с удивлением сообщил командир электротехнической группы лейтенант Громобоев.

— Пора бы некоторым усвоить, что сложные явления, как правило, имеют простую природу, — глубокомысленно изрёк связист, старший лейтенант Глазырин, самый информированный из корабельных офицеров.

— Объясни, не томи! — взмолился Громобоев.

— Утром Милейший вызвал к себе старпома и полчаса втолковывал ему порядок обхода корабля. Хотя известно: всё, что ниже ватерлинии, проходит по ведомству механика, это его вотчина. Теперь понятно, почему старпом визит нанёс? Я вам, уважаемые, скажу больше: сеансы учёбы продолжились. Вестового Милейший дрессировал, как надо стучаться в каюту и представляться начальнику. Матросик, наверно, мозоли на костяшках пальцев набил, бедного штурмана чуть до кондрашки не довёл, требуя назвать части секстана в определённой последовательности.

— Да, Милейший и медведя научит, — с восхищением произнёс химик, лейтенант Сейфулин.

— Мы-то не в цирке и не в зверинце. Учить надо, не унижая человеческого достоинства, — возразил Яшкин.

— А я считаю, что все средства хороши, лишь бы результат был, — не согласился Сейфулин.

— Я посмотрю, как вы заговорите, когда он до вас доберётся. Однако всем спокойной ночи и хороших снов, а мне пора в котельное отделение, — сказал Яшкин и вышел из кают-компании.

На следующий день Яшкина вызвал командир корабля капитан III ранга Мачеев. В каюте у него находился командир электромеханической боевой части, попросту — механик, ещё проще — дед, капитан III ранга Ягудин, непосредственный начальник Яшкина. Командир корабля обратился к старшему лейтенанту по имени-отчеству, что сразу Лёву насторожило:

— Лев Михайлович, мы тут обсуждаем один щекотливый вопрос, который тебя касается напрямую, и хотели бы с тобой посоветоваться. Да ты садись, не стесняйся.

— Слушаю, товарищ командир.

— Командир перехода, капитан I ранга Свистунов обратился ко мне с просьбой организовать ему ежедневный душ. Плескаться он долго не собирается — минут пятнадцать, не больше. Механик считает, что можно пойти навстречу. Твоё мнение.

— Запасы пресной воды ограничены. Личный состав моется забортной, офицеры — раз в неделю пресной. Я думаю, исключений делать не стоит.

Командир недовольно сощурился:

— Порядок и график помывки я помню. Полагаю, один человек погоды не сделает.

— Вы спрашивали моё мнение, я его высказал.

— Верно механик говорит, далёк ты от службы, Яшкин, ох, далёк. Ну, ничего, будем брать ответственность на себя. Приказываю ежедневно с двадцати двух ноль-ноль до двадцати двух пятнадцати подавать пар и пресную воду во флагманскую каюту. Вопросы есть?

— Неужели капитан I ранга не понимает, что нельзя одновременно требовать порядка на корабле и самому же его нарушать?

— Это его личное дело, а вы позаботьтесь, чтобы приказание было выполнено точно и в срок, по уставу. Свободны.

Когда Яшкин ушёл, командир выразил своё недовольство механику:

— Либеральничаете с молодёжью, Василий Васильевич, и меня к этому склоняете, жёстче надо. Вон Свистунов не стесняется, ломает через колено непонятливых и непокорных. И ничего, никакого недовольства, даже наборот: лейтенанты на него только что не молятся.

— Яшкин офицер неплохой, дело знает, море любит, безотказный и надёжный. Ему дважды повторять и контролировать не надо. Одна беда: чересчур правильный и не в меру принципиальный. Родители, видно, так воспитали, приходится с этим считаться, — защищал подчинённого и одновременно оправдывался Ягудин.

— Ладно, идите, разбирайтесь сами со своими охламонами, — махнул рукой командир, — и о приказе помните, я с вами миндальничать не буду, с живого шкуру спущу.

После разговора с командиром механик отправился напрямиком в отсек вспомогательных механизмов. Он был уверен, что застанет там Яшкина, и не ошибся. Лёва инструктировал командира отделения машинистов-трюмных:

— Васюков, задача простая до безобразия: ровно в двадцать два ноль-ноль ежедневно обеспечивать душ во флагманскую каюту. Время помывки пятнадцать минут.

— Товарищ старший лейтенант, но как же ваше требование об экономии? Вы мне утром выволочку устроили за то, что на минуту дольше положенного подавал воду на камбуз.

— На вопрос о необходимости экономии командир корабля ответил, что приказы не обсуждаются, а выполняются. Поэтому я советую тебе то же самое. Впрочем, можешь обратиться с письменной жалобой на моё имя.

— Вечно вы шутите, товарищ старший лейтенант, какие жалобы, наше дело маленькое. Разрешите идти?

— В двадцать один пятьдесят пять доложишь о готовности, и не забудь о замере топлива во всех цистернах, — вяло отреагировал Яшкин и по привычке полез в карман комбинезона за ветошью.

— Тебе бы, Лев Михайлович, вместо того, чтобы с командиром пререкаться, не мешает у подчинённых поучиться, — пожурил Яшкина механик.

— Да я вроде не скандалю, просто мне такие приказания отдавать стыдно, и Васюкову, уверен, стыдно их выполнять.

— Ты всё в облаках порхаешь! Пора бы на землю опуститься.

— Какие уж тут облака, Василий Васильевич, сами видите, из трюмов не вылезаю. Не могу я уважать человека, который ведёт себя непорядочно.

— Свистунов не человек, а начальник, которого уважать по уставу положено.

— Ну, ежели не человек, тогда другое дело, так бы сразу и сказали.

— Не передергивай, Лев Михайлович, гордыню смири, на рожон не лезь, поверь, не тот это случай, когда надо принципиальность проявлять.

— Я так не считаю, — упрямылся Яшкин.

— Как знаешь, я тебя предупредил, — закончил разговор механик.

Корабль — словно маленький Париж со своими тайнами, слухами, сплетнями. За ужином офицеры оживлённо обсуждали возможные варианты поведения Лёвы Яшкина, если его будет прессовать Свистунов. Старпом одёрнул их:

— Хватит трепаться, балаболки! Не надоело косточки своему товарищу перемывать? Старший лейтенант Яшкин, в отличие от некоторых, обладает чувством собственного достоинства и имеет жизненные принципы, за которые готов постоять.

И тут отворилась дверь и, лёгок на помине, появился Лёва. Разговор в кают-компании смолк. Повисла неловкая тишина, в которой прозвучал спокойный голос Яшкина, который обратился к вестовому:

— Я первое не буду. Пожалуйста, принеси мне второе.

— И две котлеты ему, как имениннику, — пошутил Глазырин.

Однако шутку никто не поддержал.

— Тебе как заведующему кают-компанией неплохо было бы знать дни рождения офицеров. До моего ещё далеко. Только ты ведь имел в виду другое, не так ли? — обратился Яшкин к связисту.

— Ладно, Лёва, извини, не обижайся, считай, что неудачно пошутил. Не хватало ещё, чтобы мы ссорились по пустякам. У тебя и без того полно проблем.

— А у кого их нет? Если товарищей офицеров волнуют мои отношения со Свистуновым, то зря, для этого нет причин, поскольку нет самих отношений. Предполагаю, что он, скорее всего, и не подозревает о моём существовании. И я не расстраиваюсь.

Лёва без аппетита “проглотил” макароны с котлетой, запил соком и поспешил из-за стола: он заступал на вахту в двадцать ноль-ноль. Нагрузка на командиров групп электромеханической боевой части в походе солидная: трёхменная вахта плюс устранение постоянно вылезавших неполадок — техника новая, притирается, поэтому мелкие поломки неизбежны. К тому же матросов учить приходилось самим. Обычно на кораблях старослужащие учат молодых, готовят себе замену, а тут все пришли на корабль одновременно и знания у всех примерно одинаковые, за исключением тех, кого прислали для укомплектования экипажа непосредственно перед выходом.

На развод вахты всегда приходил механик. Он придирчиво опрашивал обязанности, объяснял обстановку в районе плавания, ставил задачи. После чего спускался в пост энергетики и живучести, где принимал доклады сменяющегося и заступающего вахтенных инженер-механиков. Он не стал напоминать Яшкину о предстоящей “операции”, лишь внимательно и строго на него посмотрел.

— Не извольте беспокоиться, товарищ капитан третьего ранга, всё под контролем, — успокоил начальника Лёва.

— Я давно отбеспокоился, теперь твоя очередь, — ответил подчинённому Ягудин.

Яшкин проверил показания приборов — главная энергетическая установка и вспомогательные механизмы работали устойчиво. Он поудобнее устроился в кресле и внимательно прочитал замечания по предыдущей вахте — ничто не вызывало тревоги и опасения. И всё же, по заведённой привычке, Лёва запросил “добро” у вахтенного офицера и отправился по боевым постам. Он давно усвоил, что самая достоверная информация — это результат личного, а не дистанционного общения.

Когда он вернулся в ПЭЖ, там его уже ждал Громобоев, чтобы подменить на вечерний чай. Но чаю попить не удалось — сработала защита вспомогательного дизельгенератора, и Громобоев метнулся в кормовое машинное

отделение выяснять причину. А тут ещё вахтенный на линии вала доложил о том, что на одном из подшипников растёт температура. Обстановка накалялась: Лёва отвечал на запросы с ходовой рубки, вызывал командира машинной группы, получал доклады, связывался с командиром боевой части пять, фиксировал события в журнале. У него несколько раз мелькала мысль: “Надо бы вызвать Васюкова, спросить, настроили ли систему для помывки Свистунова, — но он успокоил себя: — Должен справиться без дополнительных напоминаний, самостоятельно. Тем более есть дела поважнее”.

Когда улеглась суматоха, Яшкин вновь вспомнил о Васюкове и вызвал его в ПЭЖ.

— Прибыл по вашему приказанию, — бодро доложил командир отделения.

— Время вышло, — Яшкин выразительно постучал по циферблату наручных часов.

— Так ещё пять минут, товарищ старший лейтенант. — Васюков кивнул на корабельные часы.

— Ладно, миллиметровщик, — смутился Лёва, — доложи по существу.

— Всё готово, — отрапортовал Васюков.

— Вперёд, и чтобы ни одной лишней минуты, — предупредил Яшкин старшину.

Ровно в двадцать два часа Васюков вышел на связь и доложил, что вода и пар во флагманскую каюту поданы. Яшкин отметил исполнительность и точность старшины, однако настроение его от этого не улучшилось. И оказалось, не без причины. Вскоре по громкоговорящей связи объявили:

— Командиру боевой части пять и доктору прибыть к командиру.

Лёва задумался. Обычно использовать трансляцию для подобных объявлений запрещено. Значит, произошло что-то необычное. Его размышления прервал телефонный звонок.

— Лев Михайлович, меня командир вызывает. У нас всё в порядке? — раздался в трубке голос Ягудина.

— По несению вахты замечаний нет. Вода и пар во флагманскую каюту поданы.

Механик шумно вдохнул, выдохнул, произнёс неопределённо:

— Мда... — и повесил трубку.

Лёва начал смутно подозревать, что приказание механику и доктору прибыть к командиру связано с помывкой Свистунова. “Если это действительно так, то зачем понадобился корабельный эскулап?” — размышлял Яшкин. И чтобы прояснить обстановку, он вновь вызвал Васюкова. Старшина прибыл незамедлительно.

— Скажите, милейший, — неожиданно для себя начал Лёва, остановившись, потряс головой, словно отгоняя наваждение, и закончил с привычной для него иронией, — если тебя не затруднит, расскажи подробнее о том, как было выполнено приказание и было ли оно вообще выполнено.

— Вы, товарищ старший лейтенант, о каком приказании говорите?

— Васюков, не делай задумчивый вид, тебе это не идёт, а меня раздражает, — Яшкин встал с кресла и приблизился к подчинённому.

Старшина отступил на шаг назад и скороговоркой, словно боялся, что ему не дадут договорить, выпалил:

— Непосредственно приказание выполнял машинист трюмный матрос Переверзев. Это его заведование.

— Почему не сам? Ведь Переверзев на корабле без году неделя. Ты уверен, что все сделано правильно? Лично убедился? — ласково спросил Яшкин.

Васюков покраснел и виновато опустил голову.

— Я тебе доверял, да, видно, зря, подвёл ты и меня, и механика. Уйди с глаз моих с позором.

Лёва представил, как отдувается сейчас за него Ягудин, и ему стало неуютно.

Прогудели балясины трапа, и в ПЭЖе появился командир боевой части пять. Лицо его было морковного цвета, веко левого глаза подёргивалось. Он тяжело дышал, будто только что пробежал длинную дистанцию.

— Спасибо, Лев Михайлович, опозорили перед начальством, простейшее дело, и то завалили. Знаете, какой мне диагноз Свистунов поставил? “Вам, милейший, нельзя доверять руководство боевой частью”.

— И доктор этот диагноз подтвердил? — вырвалось у Яшкина, однако он вовремя спохватился:

— Простите, Василий Васильевич, я юморить начинаю, когда плакать хочется. Сейчас поднимусь к Свистунову и всё ему объясню.

— Доктор диагноз подтвердил, но не мне, а Свистунову: ожог левого плеча первой степени. К командиру перехода ты поднимешься через десять минут вместе с трюмными. Он будет лично вас инструктировать.

— Он что, лучше меня знает устройство корабельных систем?

— Он лучше тебя знает службу. И не усугубляй обстановку — не пытайся оправдаться, не груби и не пререкайся.

Лёва согласно кивнул:

— Вечно вам из-за нас достаётся, и как у вас терпенья хватает?

— Послужишь с моё, поймёшь.

— Мне кажется, что это не от срока службы зависит, а от характера.

— Потом разберёмся. Собирай свою команду и — наверх. Я тебя под-
меню.

Вместе с Васюковым и Переверзевым Яшкин остановился перед флагманской каютой, постучал в дверь. Свистунов вышел в тамбур, оглядел прибывших, обошёл стоящую по команде “смирно” троицу и выслушал доклад Яшкина. Затем заложил руки за спину, слегка поморщился, при этом левый аккуратный ус его вместе с верхней губой пополз вверх. Покачался, перекачываясь с носков на пятки, и, обращаясь к Лёве, произнёс:

— Милейший, вы показали сегодня свою полную несостоятельность. Надо же так умело не уметь делать элементарные движения. У меня возникли серьёзные сомнения по поводу вашей способности руководить подразделением.

— Разрешите отпустить старшину и матроса и объяснить причину.

— Объясняться будете у прокурора, а здесь стойте и помалкивайте.

Яшкин не выдержал и его понесло:

— Вы, конечно, товарищ капитан первого ранга, большой начальник и вправде давате любые оценки, только попрошу это делать, не унижая личного достоинства и не в присутствии моих подчинённых, кроме того, формулировать такие глобальные выводы по одной неудаче считаю некорректным.

Очевидно, Свистунов не ожидал такого решительного отпора. Он будто потерял дар речи, силился открыть рот, кривил губы, правая щека несколько раз дёрнулась в нервном тике, пальцы пробежались по пуговицам безупречно пошитой тужурки, затем проверили не менее безупречный узел галстука. Прошло несколько долгих, томительных секунд, прежде чем командир перехода сумел отрешиться присущую ему уверенность.

— А вы, лейтенант, ко всему прочему, ещё и хам. Ну, что же, это лишь усугубляет ваше и без того сложное положение.

— Старший лейтенант, — поправил Яшкин.

— Считайте, что уже лейтенант.

— Если я правильно понял, вы меня только что понизили в воинском звании?

— Именно так.

— Разрешите привести в соответствие форму одежды?

— Успеете. Сейчас под моим руководством проведём тренировку по подаче воды и пара в командирский отсек. Повторять будем до тех пор, пока не уложимся в норматив “на отлично”.

— Полагаю, товарищ капитан первого ранга, что это не ваш уровень. Разрешите мне?

— У вас имелась такая возможность, к сожалению, вы её не реализовали.

— Товарищ капитан первого ранга, вы только что понизили меня в звании, теперь отстраняете от руководства подразделением. Два наказания за один проступок.

— Вы, оказывается, и устав не знаете. Завтра в десять ноль-ноль прибыть ко мне в каюту для сдачи зачёта по дисциплинарному уставу. А пока свободны.

— Есть, — сдерживая возмущение, произнёс Лёва, неуклюже повернулся через левое плечо и побрёл в ПЭЖ.

— Вот так-то лучше, — самодовольно заметил Свистунов.

— Какие впечатления от встречи с руководством? — спросил Яшкина механик.

— Если одним словом, то неизгладимые, а если подробнее, то понижен в воинском звании до лейтенанта, отстранён от должности, оскорблён и унижен.

— Не драматизируй, всё не так безнадежно, — посочувствовал Ягудин.

— Я не драматизирую, Василий Васильевич, я иронизирую.

— Здоровая реакция. Начальники приходят и уходят, но никто из них за нас работу не выполнит, а нам надо корабль на Камчатку привести и матросиков сохранить. Вот о чём голова должна болеть! Давай, на вахту заступай, сменишься — и в люлю.

— Спасибо за заботу, только мне надо ещё дисциплинарный устав почитать, Милейший зачёт принимать будет, придётся меня опять подменять.

— Устав дело хорошее, особенно ежели перед сном. Желаю удачи, — улыбнулся механик.

Остаток вахты прошёл спокойно. Постепенно настроение у Яшкина от мрачного, угнетённого, безвыходного сменилось спокойным, философским. Не отвлекаясь от службы, он мысленно порассуждал о превратностях судьбы, о быстротечности времени и о том, что всё плохое, как и всё хорошее, когда-нибудь кончается. Сменившись с вахты, Лёва заглянул в кают-компанию, попил чайку с сухарями, в каюте взял с полки устав, полистал и со словами “Утро вечера мудренее” положил его под подушку и крепко заснул. Приснилось ему, что он важно расхаживает по мостику, заложив руки за спину. Перед ним, виновато опустив голову, стоит Свистунов, которому Лёва объясняет настоятельную необходимость знания дисциплинарного устава. После каждого произнесённого Лёвой слова Свистунов звонко щёлкает каблуками и громко произносит: “Виноват! Есть! Так точно!” Потом в ходовой рубке звонит телефон. Лёва прерывает воспитательный процесс, берёт трубку. На проводе министр обороны, он просит простить Свистунова, не понижать его в воинском звании. Лёва благородно соглашается и объявляет об этом Свистунову.

Чудесный, прямо-таки пророческий сон не дал досмотреть резкий звонок корабельного телефона. В трубке прозвучал уже голос не министра обороны, а Громобоева:

— Подъём! Корабельное время шесть часов ноль-ноль минут.

Лёва потянулся, не вставая с койки, изобразил зарядку, посмотрел в зеркало:

— Кого-то вы, молодой человек, мне напоминаете? Вспомнил — гладиатора, идущего на смерть. Ну, смерть вам сегодня точно не грозит, а вот предстоящие испытания необходимо встретить достойно.

За пять минут до назначенного времени Яшкин, чисто выбритый, наглаженный, вкусно пахнущий, поднимался по трапу, ведущему в командирский коридор. Из флагманской каюты слышался недовольный голос Свистунова:

— Неужели на вашем корабле нет ни одного офицера, который бы интересовался не только службой и женщинами, но и такой интеллектуальной игрой, как шахматы?

— Обижаете, Геннадий Севастьянович, многие увлекаются, в том числе и ваш покорный слуга.

— Я имею в виду не любителей передвигать фигуры, а шахматистов.

— Поищем, Геннадий Севастьянович.

— Будьте любезны. Сделайте одолжение.

Дверь каюты распахнулась, и командир, не заметив Яшкина, наткнулся на него.

— Ты-то чего под ногами путаешься, я тебя не вызывал?

— Мною, товарищ командир, более высокое начальство обеспокоилось.

— Значит, заслужил, заходи, коли вызывали.

Свистунов сидел в кресле, на столе — шахматная доска. По расположению фигур Яшкин сразу уловил, что командир перехода пытается разыграть турецкий гамбит — несложное, в общем-то, начало в шахматных партиях, а это, в свою очередь, свидетельствовало, что бравый капитан I ранга не крупный специалист, хотя, может быть, таковым себя и считает.

— Разрешите сделать ход за белых.

— Вам не кажется, что вы излишне самонадеянны: с трюмными делами не справились — с шахматными тем более.

— Это мой последний шанс хоть как-то реабилитироваться.

— Напрасный труд, а впрочем, попробуйте, и учтите: я в серьёзных турнирах имел честь участвовать.

— Это меня не пугает, — ответил Лёва и начал партию.

Вскоре он убедился, что может легко обыграть грозного начальника, однако, всегда прямолинейный и откровенный, Яшкин решил схитрить и использовать шахматы как средство достижения только что возникшего у него грандиозного плана. “В конце концов, — оправдывался он, — не зря говорят, что для достижения цели все средства хороши. Я не для себя стараюсь, для общего дела”. Он начал подыгрывать противнику и свёл партию вничью. Свистунов подвоха не заметил.

— Мне кажется, я ненамного ошибся в своём предположении о вашем уровне подготовки, но для более точного диагноза даю вам ещё одну возможность, — самоуверенно заявил он.

— Цыплят по осени считают, — ответил Яшкин.

— Не зарывайтесь, молодой человек, — предупредил Свистунов и добавил уже не так строго:

— Садитесь, в ногах правды нет.

Вторую партию Лёва выиграл легко и быстро, поставив начальнику мат на пятнадцатом ходу. Свистунов сначала долго, оторопело глядел на доску, силясь понять причину столь стремительного поражения, потом на Яшкина. Не может быть, чтобы какой-то чумазый трюмный запросто обыграл его, всевластного и всезнающего капитана I ранга, комбрига. Что-то тут не так.

— Я думаю — это случайность. Предлагаю ещё партию, товарищ старший лейтенант.

— Согласен, — коротко ответил Лёва и подумал: “Если я вновь старший лейтенант, то, наверное, тактика выбрана правильно”.

Следующую партию Яшкин проиграл, предварительно заставив понервничать и попотеть Свистунова. Тот снисходительно похлопал Лёву по плечу:

— Как всегда, я оказался прав. В утешение могу сказать, что вы достойный соперник, и мы продолжим завтра.

— А как же устав?

— Забудьте, ваша главная задача — шахматы, ждите, я вас вызову, до свидания.

Лёва поступал со Свистуновым, как кот с мышью: то выигрывал, и начальник мрачнел, обижался, постукивал костяшками пальцев по столу, то проигрывал, и командир перехода радовался, словно ребёнок, которому подарили игрушку. В перерывах между встречами Свистунов усиленно изучал теорию шахмат, разыгрывал этюды и композиции, решал задачи. Чувствовалось, что самолюбие его сильно задето, и он во что бы то ни стало хочет доказать и себе, и экипажу, что и в шахматах он лучший.

На корабле вздохнули свободно. Тишина и спокойствие. Ни тебе ежедневных проверок, ни разносов. Старпом, пострадавший больше всех, лично поблагодарил Яшкина и крепко пожал ему руку.

За поединком следили все офицеры. Сведения о результатах собирали по крупницам, засыпали Яшкина вопросами, просили, умоляли:

— Расскажи!

Но Лёва молчал и объяснял своё молчание одной фразой:

— Поймите, это в наших общих интересах.

Лёва почувствовал, как постепенно меняется к нему отношение Свистунова. Через неделю командир перехода разрешил обращаться к нему по имени-отчеству и сам стал называть Яшкина Львом Михайловичем, правда, при этом предупредил, что такое обращение допустимо только в каюте. В перерыве между партиями они пили чай, беседовали на различные, не связанные со службой темы. При близком знакомстве Свистунов совсем не походил на “Милейшего”. Он оказался интересным собеседником, в совершенстве владел английским, свободно ориентировался в современной литературе и театре. Лёва проникался к начальнику всё большей симпатией и поэтому медлил с реализацией коварного замысла. Вместе с тем, он понимал, что только сильное потрясение поможет Свистунову пересмотреть его отношение к подчинённым, заставит сомневаться в своей исключительности.

Вскоре произошло событие, которое убедило Яшкина, что медлить нельзя. Командир перехода учинил очередной разнос старпому за то, что тот нарушил методику проведения занятия с вахтенными офицерами. Сделал это уничижительно вежливо в присутствии подчинённых. Старпом в сердцах написал рапорт об увольнении из рядов Вооружённых сил и передал его командиру корабля. В рапорте была указана причина: постоянные конфликты с командиром перехода, капитаном первого ранга Свистуновым Г. В.

Мачеев попытался разрулить ситуацию, да не тут-то было — старпом стоял на своём:

— Поскольку командира перехода заменить нельзя — убирайте меня.

Свистунов угостил Лёву чаем, собственноручно заваренным по особому рецепту, после чего они коротко поговорили о погоде, о предстоящем заходе в порт Аден, где неоднократно бывал Свистунов. Яшкин делал вид, что внимательно слушает: кивал, соглашался, а внутри у него бушевали страсти. Лёва уже и не надеялся повлиять на командира перехода, хотя бы задеть его за живое, сбить спесь, посмотреть, как он понервничает, попереживает. Проиграв в первой партии, Свистунов почесал затылок и задумчиво произнёс:

— Однако, Лев Михайлович, вы сегодня в ударе, но и мы не лыком шиты.

После трёх подряд сокрушительных поражений он внимательно, оценивающе посмотрел на Яшкина, словно видел его впервые, и без обычной иронии и ноток превосходства обронил:

— Предлагаю продолжить.

Лёва молча стал расставлять фигуры на доске. Результат следующих трёх партий оказался столь же разгромным. Свистунов долго разглядывал оставшиеся на доске фигуры, словно искал среди них виновного, затем повертел в руке поверженного короля и, наконец, произнёс:

— До завтра, товарищ старший лейтенант.

Вот так. Уже не Лев Михайлович...

Весь день командир перехода не выходил из каюты, никого не вызывал, ни с кем не общался, а когда к нему попытался попасть командир корабля с докладом за сутки, не принял и его, сославшись на занятость.

Старпом охарактеризовал сложившуюся обстановку, как затишье перед бурей. Офицеры занервничали. С какого направления налетит шквал? По кому ударит? Кто будет жертвой? Неизвестность томила, пугала, выматывала хуже качки.

Только Лёва Яшкин являл образец спокойствия и хладнокровия. Но это было внешнее, показное. Лёва попытался, как в шахматной партии, просчитать возможные варианты поведения Свистунова и не смог — не хватало информации. Одно он знал твёрдо: следующий ход — за Милейшим, поэтому остаётся ждать и надеяться на лучшее.

Утром Лёва доложил Свистунову строго по уставу:

— Товарищ капитан I ранга, старший лейтенант Яшкин по вашему приказанию прибыл.

— Не надо так официально, — поморщился Свистунов, — проходите, присаживайтесь, чаю не желаете?

— Никак нет, не желаю. Какие будут дальнейшие приказания? — вытянулся по стойке смирно Лёва.

— Кончайте ваньку валять, нам необходимо серьёзно поговорить, — устало и грустно произнёс Милейший.

— А как же шахматы? — не сдавался Яшкин.

— Шахматы подождут, я хочу понять, какую игру вы со мной затеяли и для чего?

— Никакой иной, кроме шахматной, — не сдавался Лёва.

— Я полагал, что вы обо мне более высокого мнения. Неужели я похож на круглого идиота? Зачем вы меня обманывали: вначале прикидывались неумехой, а затем тыкали носом, как котёнка? Чтобы показать мою несостоятельность? Унизить? Отомстить? Но это можно было сделать порядочнее. Я прошу вас, Лев Михайлович, расскажите всю правду, поверьте, для меня это имеет принципиальное значение.

“Неужели проняло?” — с облегчением и некоторой радостью подумал Лёва и только сейчас понял, что ему очень хочется ошибиться в своем негативном восприятии Свистунова.

— Я согласен, нам необходимо объясниться, задавайте вопросы, я постараюсь честно ответить. — Яшкин удобно расположился в кресле.

— Собственно, я их уже задал.

— Ну, что же, объяснение будет несколько сумбурным, не перебивайте меня, пожалуйста, дайте выговориться. Хорошо?

Милейший кивнул в знак согласия. Лёва глубоко вдохнул, точно собирался нырнуть под воду, и начал:

— В отличие от многих наших лейтенантов, которые от вас без ума, я не воспринимаю вас как командира, не укладываюсь вы в моё представление о том, каким должен быть руководитель. Офицеров вы за людей не считаете, откровенно унижаете, пользуетесь тем, что они вам ответить не могут. В шахматы я играю с пяти лет. Отец научил. Он же отвёл меня в шахматный клуб. Там я вырос до кандидата в мастера. Тренер считал меня перспективным, прочил блестящую шахматную карьеру, а я выбрал карьеру корабельного инженера. Конечно, я сразу понял, что легко могу вас обыграть, но решил воспользоваться случаем и устроить вам встряску. Не в отместку, просто чтобы вы почувствовали, каково находиться в положении, когда ты не в состоянии повлиять на ситуацию, когда с тобой могут сделать всё, что угодно. Но наши встречи, беседы открыли для меня совсем другого командира перехода. Я попал под ваше обаяние и готов был отказаться от своего коварного замысла — по наивности понадеялся, что смогу хоть капельку, хоть чуть-чуть повлиять на вас. Случай со старпомом показал, что в главном вы неизменны. Тогда я и устроил шахматный погром. Вы не выходите из каюты, ни с кем не общаетесь. В чём причина, что вы задумали? Для меня это тайна, как и для остальных офицеров. Вот, собственно, и всё, товарищ капитан I ранга.

— Благодарю. Я подумаю над вашими словами, видно, мне предстоит ещё одна бессонная ночь, только вы нос не задирайте, победителем себя не считайте, матч не окончен, игра продолжается.

Лёва в делах и заботах не заметил, как пролетели ещё одни сутки. Мысли о Свистунове нет-нет да и посещали его умную голову, но не навязчиво, мимоходом. Необычным было то, что сегодня он не общался с командиром перехода. Однако Яшкина это не расстраивало и не огорчало.

Лёва поудобнее пристраивался на койке, чтобы вздремнуть часок перед вахтой, когда его разыскал вестовой и передал приказание прибыть к Милейшему.

Мешки под глазами, набрякшие веки, небритые щёки, вялые, неуверенные движения разительно изменили внешность всегда бравого, уверенного в себе человека. Но Свистунов бодрился, пытался шутить:

— Я полагаю, вы не откажетесь выпить чашку чая с любимым начальником? Тем более, если это его последняя просьба.

— С большим удовольствием, — ответил Яшкин и, пока Милейший хозяйничал у столика, размышлял, что означают его слова: признание поражения, каштуляцию или, наоборот, передышку перед генеральным сражением.

— Превосходный чай, Геннадий Севастьянович. — Лёва рискнул обратиться к Свистунову по имени-отчеству и теперь ждал, какая последует ре-

акция. Капитан I ранга и бровью не повёл, начал подробно расспрашивать о родителях, о семье. Затем попросил рассказать о том, насколько надёжно работает техника, есть ли проблемы, нужна ли помощь. Поговорили и о других несущественных мелочах.

Яшкин ждал, когда же закончится *развёртывание фигур* и Милейший приступит к главному, ради чего, собственно, он и пригласил старшего лейтенанта к себе. Но беседа утасла, оба сидели, молчали и помешивали ложками в стаканах с остывшим чаем. Лёва прервал затянувшуюся паузу:

— Несмотря ни на что, Геннадий Севастьянович, я признателен вам за наши встречи в такой вот неформальной обстановке. Я по молодости и в силу характера пользовался только двумя красками: чёрной и белой, без полутонов, теперь понял: в жизни всё намного ярче и сложнее.

— Спасибо и вам, мой юный друг, за откровенность, она как лекарство: горькое и в ряде случаев необходимое. Признаться, милейший, многие годы я не испытывал сопротивления и критики со стороны подчинённых, а начальников интересовал только результат. Я самолюбив, привык быть первым и всегда добивался поставленных целей. Очевидно, вам удалось поколебать некоторые мои служебные стереотипы, что само по себе удивительно. В чём-то вы, видимо, правы. Однако от понимания до практических шагов расстояние огромное, некоторым личностям жизни не хватает, чтобы эту дистанцию преодолеть. В моём случае, полагаю, не всё так безнадежно. Для начала мне есть над чем поразмышлять. Надеюсь, вы осознаёте, что подобные признания я делаю нечасто и уж тем более не публично. Каяться и извиняться не привык — характер не тот. И это, конечно, не капитуляция. Не исключаю, что когда-нибудь позже мы вернёмся к нашему разговору. А пока предлагаю, по мере возможности, не во вред службе продолжить общение за шахматным столом. Не возражаете?

Яшкин не возражал:

— Ходите, Геннадий Севастьянович, сегодня вы играете белыми.